
Екатерина Баженова
2
НАСЛЕДНИК
для вожака
МЕДВЕДЯ

Екатерина Баженова

Наследник для вожака Медведя. Том 2

«Автор»
2026

Баженова Е.

Наследник для вожака Медведя. Том 2 / Е. Баженова — «Автор», 2026

Я считала себя сумасшедшей, но нашла спасение в объятиях могущественного Медведя. Он назвал меня своей избранницей и освободил от проклятия.Казалось, кошмару конец. Но цена свободы оказалась слишком высокой.Теперь я в центре заговора: клан моего мужа на грани раскола. Ведьмы в опале и не могут помочь. А на место вожака внезапно появляется новый претендент.Чтобы выжить, нам нужен наследник, способный укрепить нашу власть и доказать истинность.Но настоящая опасность таится куда ближе, чем может показаться.А я не готова, ведь и половины не знаю о самой себе.От автора: Внутри вас ждут неожиданные повороты сюжета, слоубёрн и немного юмора **!**#ПОДДЕРЖИТЕ КНИГУ: ДОБАВЬТЕ ЕЁ В БИБЛИОТЕКУ И ПОДЕЛИТЕСЬ СВОИМ МНЕНИЕМ!

© Баженова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 21
Глава 8 24
Глава 9 27
Глава 10 30
Глава 11 33
Глава 12 36
Глава 13 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Екатерина Баженова
Наследник для вожака Медведя. Том 2

Глава 1

Утро началось настолько идеально, что было даже страшно. Кофе, мягкое солнце за окном и любимый муж.

Проклятие снято. Я свободна. Эти слова отдавались в моей голове сладким, почти неправдоподобным эхом.

Никаких больше звериных морд в метро, никаких панических атак в кафе, никаких походов к психиатрам. Только я, моя жизнь и мой муж.

Мой громадный, дикий и невероятно нежный Медведь.

Окна нашего дома выходят на бескрайний таёжный лес. Теперь это мой вид. Мои владения.

Ирония судьбы – девушка, которая всю жизнь пыталась спрятаться от монстров, теперь собирается жить в их логове. А главное, быть счастливой.

Я успела поболтать с подругой, отдохнуть и провести чудесное утро в объятиях супруга. Хотела прогуляться, но всё пошло не по плану.

Как и всегда, собственно говоря, в моей жизни.

На пороге стояли двое мужчин. И это не сулило ничего хорошего…

Брутальные, с квадратными челюстями и взглядами, которые, кажется, собираются просверлить меня насквозь.

Один, повыше, с иссиня-чёрными волосами и шрамом через бровь, смотрит на меня как на диковинку.

Второй, пониже, но шире в плечах, с медвежьей походкой и цепкими глазами цвета тёмного мёда, изучает меня без тени дружелюбия.

– Алатея?

– Да-а. Это я…

Ловлю себя на мысли: мне непривычно видеть людей, но знать при этом, что они оборотни.

– Именем Медведя вы арестованы! – грозно говорит тот, что выше и входит в наш с Артуром дом.

– Что?! Вы что-то путаете. По какому такому праву? – захожусь я в заиканиях.

– Это вам на собрании объяснят, – бубнит второй и нагло тянет ко мне свои лапы.

– А-а-а-а-а! – ору во всё горло. – Не трогайте меня!

– Какого хрена! Руки от моей жены убрали!

Дверь ванной открывается, выпуская клуб пара, в котором возникает Артур. На нём лишь полотенце, намотанное на бёдра. А капли воды скатывались по его груди, теряясь в густой растительности.

Он ловит мой взгляд и медленно, по-хозяйски улыбается, успокаивая меня. У меня перехватывает дыхание.

Да, он невероятен. И весь мой.

Но у нас есть проблема, которая не терпит отлагательств.

– Артур, – мужик, который только что пытался меня поймать, склоняет голову перед моим мужем. – Ты тоже арестован. У меня приказ.

Второй достаёт из кармана две пары наручников, которые переливаются явно магическим светом. И показывает их нам:

– Сами наденете или позвать дружину?

Я перевожу взгляд на мужа. Он спокоен. Слишком спокоен. Только в его зелёных глазах бушует шторм.

Мы переглядываемся, и в этой молчаливой секунде проносится целая вечность.

«За что? Неужели из-за обряда? Но как они узнали? Это невозможно… Или, возможно?», – мысленно спрашиваю у супруга, но он молчит.

Артур медленно выдыхает, будто старается сдержать себя в руках. Он не превращается, но кажется, что воздух вокруг него сгущается.

– Наручники не нужны, Тихон, – муж обращается к одному из Медведей. – Мы не предатели и не беглецы. И вы прекрасно понимаете, что перед вами не просто члены клана. Перед вами наследник.

Тихон мнётся, избегая прямого взгляда.

– Приказ есть приказ, Артур. От Совета. За подписью… – он запинается, – за подписью всех членов Совета.

– Покажи, – коротко бросает муж.

Тихон протягивает сложенный лист. Артур выходит вперёд, загораживая меня своей мощной фигурой. Пробегается глазами по документу.

А затем он кивает, резко и почти незаметно.

– Хорошо. Правила есть правила. Я понимаю, зачем надевать наручники на меня. Но Алатея – человек. Она не представляет угрозы, и магические наручники на ней – это совершенно бессмысленно. Наденьте на меня. Она пойдёт с нами свободно.

Я уже открываю рот, чтобы возмутиться, как вдруг в голове звучит голос. Чёткий, властный, идущий не через уши, а прямо в сознание:

«Тея, молчи. Ни слова. Никаких эмоций. Они не должны знать о нашей ночи. Доверься мне. Слушайся, и если что-то пойдёт не так, я скажу тебе, что делать. Ты должна будешь выполнить это, не раздумывая. Мысленно ответь, если поняла».

От неожиданности еле сдерживаю вздрагивание. Сглатываю и посылаю ответ:

«Поняла».

Артур протягивает руки вперёд. Тихон с видимым облегчением щёлкает наручниками.

Браслеты смыкаются на могучих запястьях моего мужа с тихим шипящим звуком. Кажется, они на мгновение вспыхнули ярче, а затем свет угас.

– Теперь позвольте мне одеться, – говорит Артур ледяным тоном. – Или вы хотите, чтобы я предстал перед Советом в таком виде?

Стражи переглядываются и лишь кивают в сторону нашей спальни.

Я, сжав зубы до хруста, помогаю Артуру надеть штаны.

Мы выходим из дома.

Утро уже не кажется таким безоблачным. Солнце светит по-прежнему ярко, но в воздухе висит гнетущая тишина.

Наш маленький отряд – двое стражей, мой закованный в магические оковы муж и я – двигаемся вглубь леса, к священной пещере, где уже должен идти Совет.

Иначе как объяснить полное отсутствие людей на улице?

С каждым шагом тревога нарастает. Что нас ждёт?

Почему арестовали именно сейчас, когда всё, казалось бы, только устаканилось?

Мы входим в пещеру.

Десятки глаз мгновенно смотрят на нас. Шёпот, полный недоумения и злорадства, проносится по залу.

И тут я вижу всю картину.

На своём резном каменном троне сидит Армэль, дед Артура. Его могучие пальцы нервно теребят ручки кресла.

Рядом с ним, на низком стуле, сидит Марьяна. Бабушка моего мужа. Её гордая осанка куда-то исчезла, плечи ссутулены, а на её тонких запястьях красуются точно такие же наручники, что и на Артуре.

Она смотрит в пол, и по её лицу видно, что она пытается сдержать ярость. Я бы на месте Совета не поступала с ней так. Эта женщина уже натворила дел. Кто знает, на что ещё способна эта ведьма?

А в центре пещеры, под светом самого большого факела, стоит Урсула.

Высокая, статная, с волосами цвета воронова крыла и глазами, полными ледяного огня. Её голос, звенящий и властный, раскатывается под сводами, достигая самого дальнего уголка.

– …нельзя доверять судьбу нашего великого клана роду Белогорцевых! – вещает она, обращаясь к сидящим по кругу старейшинам. – Они сами не ведают, что творят! Они попирают наши древние законы, оскверняют наши святыни своим легкомыслием!

Её взгляд скользит по Армэлю, полный презрения, а затем переходит на Марьяну.

– Он, – Урсула указывает пальцем на вожака, – принимает обратно жену-ведьму, которая наслала проклятие на целый клан! Из-за неё наши братья и сёстры пятьдесят лет провели в зверином облике, теряя человеческий разум! Разве такой поступок достоин вожака?

Затем её глаза, горящие ненавистью, устремились на нас с Артуром. Вздрагиваю от неожиданности.

– А его внук, – её голос становится сладким, как яд, – наш будущий вожак, женился на какой-то чужеродной девке, чья «истинность» так и не была доказана перед Советом! Мы видели лишь сказки и шаманские фокусы! Где доказательства? Где древний ритуал? Где свидетельства? Их нет!

Она выпрямляется во весь свой могучий рост, и её голос звенит с новой силой.

– Я требую у Совета отстранить род Белогорцевых от власти! Они ведут нас к гибели своим безрассудством и предательством наших традиций! Я требую справедливости!

В пещере повисает звенящая тишина. Все взгляды прикованы к нам.

Урсула торжествующе улыбается.

Она ждала этого момента. И она его получила.

А я стою, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

День, начавшийся так безмятежно, обернулся кошмаром.

И я понимаю – это только начало.

———

Рада приветствовать вас в продолжении книги «Наследник. Истинная по законам Медведя». Теперь нас ждёт полное погружение во все тайны и интриги клана Медведей. Заберёмся в самые потаённые уголки и выудим всех предателей!

А у вас уже есть идеи, кто здесь настоящие злодеи, а кто лишь пешки в их руках?

Надеюсь, история придётся вам по вкусу.

С любовью, ваша Катя!

Глава 2

Слова Урсулы висят в воздухе как ядовитый туман, а во мне бушует ярость.

«…Ведут нас к гибели… Предательством наших традиций…».

Каждый слог будто отпечатывается на моей коже. Во рту пересыхает, сердце колотится где-то в горле.

Я чувствую, как по спине пробегают ледяные мурашки.

Отстранить род? Всех? Из-за меня? Из-за нас? Это же абсурд!

Моё тело напрягается, губы сами собой раскрываются, чтобы выкрикнуть возражение, вступить в этот бой, защитить своего мужа, свою новую, такую хрупкую семью.

Но прежде чем звук успевает сорваться с губ, в голове, чётко и властно, раздаётся голос Артура.

«Ни слова».

Это не просьба. Это приказ. Наверное, к его голову в моих мыслях я не смогу привыкнуть никогда…

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, и заставляю себя сделать шаг назад, в тень, которую отбрасывает мощная фигура Артура. Я всего лишь зритель.

Пока что.

Я верю, что у супруга есть какой-то план. Он ведь ещё в прошлый наш приезд видел, что эта гадина ищет повод устроить раздор. Уверена, он знает, что делать, поэтому не вмешиваюсь, хоть и очень хочется.

Мой муж не шевелится. Стоит, закованный в магические оковы, но кажется, что это не они сдерживают его, а он – саму их силу.

Его спина прямая, плечи расправлены. Он – скала, о которую вот-вот разобьётся вся эта бравада.

– Для отстранения правящего рода, Урсула, нужны куда более веские причины, – его голос низок и спокоен, но разносится под сводами пещеры, заглушая последние шепотки.

– Думаешь, этого мало, чтобы выдвинуть вотум недоверия? – усмехается она.

Артур делает шаг вперёд, и его зелёные глаза, холодные и острые, как льдины, буравят Медведицу.

– Армэль не мог не принять свою жену. Марьяна – его истинная. Их связь освящена древними клятвами перед самим Медведем. А это…

Муж поднимает сцепленные руки, и наручники на мгновение вспыхивают тусклым светом:

– Произвол Совета. Вы не можете ставить под сомнение истинность. Да, Марьяна оступилась. Да, она нанесла клану наших братьев и сестёр рану. Но разве не наш закон гласит, что покаяние искупает всё?

В пещере наступает мёртвая тишина. Старейшины, сидящие полукругом, переглядываются. Кто-то неодобрительно хмурится, но многие кивают, не в силах возразить против священной для них истины.

– К тому же, – продолжает Артур, и его голос приобретает стальные нотки, – проклятие снято. Клан моей жены, – он слегка поворачивает голову в мою сторону, – свободен. Ущерб возмещён. Какие ещё могут быть претензии к той, что искупила свою вину? Твой аргумент, Урсула, не просто неубедителен. Он – пуст.

Медведица, кажется, не ожидала такой уверенной контратаки. Её тонкие ноздри раздуваются, а в глазах вспыхивает ярость.

Она пытается перебить, что-то выкрикивает, но её голос тонет в нарастающем гуле.

Артур не позволяет народу заглушить свой голос и продолжает:

– И не забывай, для такого решения, как отстранение правящего рода, требуется не просто чьё-то слово или претензия. Необходимо голосование Совета. Всех. Уверена ли ты в своей поддержке, Урсула?

Он бросает этот вызов прямо в лицо собравшимся, и я вижу, как несколько седых Медведей отводят взгляды.

Похоже, Урсулу поддерживают далеко не все. Да и её глазёнки бегают по собравшимся, явно в поисках одобрения.

И тогда её взгляд, горящий бессильной злобой, переключается на меня. Чувство, будто на меня навели прицел. Холодный пот проступает на спине.

– Хорошо! – голос Медведицы словно режет воздух. – Допустим, с ведьмой всё решено. Но что же тогда с ней?

Её палец направлен прямо в моё сердце.

– Эта… человечишка! Её «истинность» не подтверждена перед Советом! Не было древнего обряда, не было свидетельства Медведя! А брачные игры уже на носу! И ты, – она яростно тычет пальцем в Артура, – взял её в жены без разрешения Совета! Самовольно! Это ли не наплевательское отношение к нашим законам?

Вот оно. Главный удар. И он направлен в меня. Меня всю передёргивает, и я инстинктивно делаю шаг назад, чувствуя, как десятки глаз впиваются в меня, изучают, оценивают.

Я здесь, чужачка. Слабое звено. И уязвимость мужа.

Но Артур не позволяет давлению нарасти. Он смещается, снова заслоняя меня собой.

– Обряд не был проведён, потому что был невозможен!

Его голос гремит, заставляя содрогнуться даже самых старых и могущественных Медведей.

– Проклятие Марьяны висело над всем родом Алатеи! Оно искажало саму суть магии! Теперь проклятие снято. И ничто не мешает нам провести обряд истинности. Здесь и сейчас, если Совет того пожелает. Я докажу то, что и так всем очевидно.

Здесь и сейчас?

«Что будет, когда они проведут обряд?» – проносится в моей голове паническая мысль.

Я не готова. Я не знаю, что это такое. Не знаю, что от меня потребуют. Вдруг я не пройду? Вдруг это какое-то испытание, которое я не выдержу?

«Не волнуйся, любимая», – звучит в моей голове.

Да как же здесь не волноваться?

Но Урсула лишь презрительно фыркает, отмахиваясь от слов Артура:

– Обряд? Обряд – дело десятое, Артур Белогорцев. Я убеждена, что весь твой род недостоин титула вожака! Армэль проявил слабость! Ты – безрассудство! Вы оба демонстрируете, что ваши личные чувства для вас важнее благополучия клана!

Она снова обращается к Совету, разводя руками, и издевательски хмыкает.

– Я предлагаю не цепляться за частные вопросы! Я говорю о системной проблеме! Род Белогорцевых изжил себя!

Артур не двигается. Он изучает её с холодным взглядом.

– Что же ты предлагаешь, Урсула? – его вопрос повисает в тишине.

– Выборы! – выкрикивает она, и её глаза загораются торжествующим огнём. – Честные и открытые выборы вожака! Пусть клан сам решит, кому доверить свою судьбу! Пусть кандидаты докажут свою силу и мудрость! Или ты боишься конкуренции, наследник?

Кажется, мы пришли туда, откуда начали. Разве не это грозило Артуру, если он не найдёт свою истинную?

Так вот она – я! Но всё равно проблема остаётся.

Может, это лишь предлог? Может, именно этого враги и добивались с самого начала?

И тут Артур медленно поднимает свои сцепленные руки. Матовые браслеты мерцают в свете факелов.

– Конкуренции?

Он произносит это слово тихо, но так, что его слышно в самом дальнем углу.

– Нет. Но я начинаю понимать, для чего на наследника клана, на будущего вожака, надели магические оковы. Чтобы я не мог помешать твоим выборам. Чтобы я не мог защитить себя и свою семью от таких лживых подданных, как ты. Это показательно.

Его взгляд скользит по старейшинам, и я вижу, как некоторые из них меняются в лице. Они не ожидали, что он так прямо укажет на эту непозволительную меру.

– Молись, чтобы эти наручники остались на мне…

Урсула бледнеет, но на её губах ещё играет ухмылка. Она готова что-то сказать, какой-то колкий ответ, который окончательно затянет петлю на нашей шее.

Но её останавливает новый голос. Голос, который до этого момента хранил гробовое молчание.

– Довольно.

Все взгляды устремляются на Армэля.

Он поднимается со своего места. Медленно, будто каждое движение даётся ему с огромным трудом. Но в его осанке, в его взгляде – вся непреклонная мощь действующего вожака.

– Пока ещё я здесь главный, – говорит он, и его бас, глухой и мощный, разносится по пещере.

Его глаза, такие же зелёные, как у Артура, останавливаются на стражах:

– Снимите наручники с моего внука! Немедленно.

Стражи замирают в нерешительности, бросая взгляд на Урсулу, но под тяжёлым взглядом Армэля Тихон нехотя делает шаг вперёд и, бормоча что-то под нос, щёлкает замками.

Браслеты с шипением расстёгиваются и с грохотом падают на каменный пол. Артур медленно опускает руки, потирая запястья.

Армэль переводит гордый взгляд на Совет.

– Вы слышали обвинения, – говорит он. – И вы слышали моего внука. Я не буду оправдываться. Закон и истинность – на нашей стороне. Но если Совет, – он делает паузу, подчёркивая слово, – если Совет поддержит Урсулу и сочтёт мой род недостойным… Я сложу с себя полномочия вожака. Добровольно.

В пещере раздаётся общий сдавленный вздох. Даже Урсула кажется ошеломлённой. Она не ожидала такого.

– Но знайте, – голос Армэля становится тише, но от этого лишь страшнее, – тогда, по нашему древнему закону, начнётся борьба за место вожака. Борьба не на словах. Борьба не на выборах. Борьба кровью и когтями. До последнего. Готовы ли вы к таким последствиям? Готов ли наш клан к этой крови? Готова ли ты, Урсула?

Он не ждёт ответа. Медленно опускается на свой трон и, кажется, будто вся пещера затаила дыхание вместе с ним. Тишина становится оглушительной.

Глава 3

Тишина после слов Армэля так и продолжает висеть. Кажется, даже факелы горят тише.

Я смотрю на Урсулу и вижу, как её торжествующая ухмылка медленно сползает с лица, сменяясь бледной, холодной яростью. Она не ожидала такого хода. Борьба кровью и когтями – это не те интриги, которые она плела.

Это уже серьёзная угроза всему клану. Кто знает, сколько будет желающих и к чему всё приведёт.

С места, не спеша, поднимается один из старейшин. Тот, что сидел по правую руку от Армэля. Он не такой могучий, как другие, скорее – жилистый и сухой, но в его глазах горит острый ум.

Это Микаэль – Председатель Совета.

– Совет выслушал все стороны. И теперь слово за нами, – его голос не громкий, но он прорезает напряжённую тишину как нож.

Он обводит взглядом и Урсулу, и Артура, и останавливается на мне.

– Невозможно, – начинает он, отчеканивая каждое слово, – принять решение об отстранении правящего рода вот так, сгоряча, без серьёзнейших, неоспоримых и доказанных причин. То, что мы слышали сегодня, – это эмоции. Подозрения. А не доказательства измены клану или недееспособности.

В толпе кто-то выдыхает с облегчением, а кто-то, напротив, ворчит. Урсула ядовито щурится, но молчит. Спорить с Микаэлем на этом этапе – значит выставить себя глупой и нетерпеливой.

– Армэль Белогорцев, – продолжает председатель, поворачиваясь к трону, – правил нашим кланом десятки лет. Мудро и справедливо. Без нареканий. Да, его решение принять обратно Марьяну… вызвало вопросы. Но давайте не будем лицемерами!

Микаэль кивает в сторону ведьмы, и его голос крепнет:

– Все мы помним Марьяну молодой. Мы приняли её когда-то в наш клан. Её истинность не вызывала сомнений тогда. Её тайны… – он делает небольшую паузу, – да, о них никто не знал. И это упущение. Но спорить с истинностью, однажды дарованной Медведем, – это путь в никуда.

Председатель поворачивается ко всему залу, и его взгляд становится тяжёлым, поучительным.

Замираю вместе со всеми и слушаю внимательно: я здесь новенькая и ещё толком ничего не знаю. А ведь если всё пройдёт гладко, рано или поздно мне быть правой рукой супруга на его пути.

Вожак – это не просто должность, это куда более серьёзный титул, с огромной ответственностью.

– Я напомню вам, к каким ужасающим последствиям приводят прецеденты отказа от истинности. Вымирание. Деградация. Забвение. Вспомните Белых Волков! Они возомнили себя выше природы, пошли против своих истинных пар! И что мы видим теперь?

А что мы видим? Белые Волки – это же тот самый Вейлин? У него вроде всё замечательно.

– Они довели свой клан до предела! Да, волки нам не друзья, – в голосе Председателя слышится лёгкое презрение, – но их горькие ошибки должны служить нам уроком. Мы не имеем права наступать на те же грабли!

В пещере снова поднимается гул. Кто-то кричит что-то в поддержку, кто-то негодует. Я ловлю себя на том, что ищу в толпе знакомые лица.

– И посмотрите, какого величия Белые достигли так быстро, вернув древние законы. Вот она истина древних законов, что нельзя нарушать.

Нахожу в толпе Диму, того самого паренька, что дружит с Артуром. Он стоит чуть в стороне и сияет, широко и открыто улыбаясь мне. Он явно на нашей стороне.

А вот рядом с ним – его мать, Алиса. Высокая, строгая женщина с печальными глазами. Она не улыбается.

Она сидит, подперев голову рукой, и смотрит куда-то в пол, будто решает в уме сложнейшую задачу. Её задумчивость настораживает.

Микаэль поднимает руку, требуя тишины.

– На основании всего услышанного, Совет берёт три дня на совещание! – объявляет он. – За это время мы взвесим все «за» и «против» и вынесем своё решение. В это время любой желающий может предъявить совету обоснованные претензии, доказательства и другую важную информацию.

Затем взгляд Председателя падает на нас с Артуром.

– И дабы снять один из ключевых вопросов, я отдаю распоряжение шаманам и хранителям ритуалов начать подготовку к обряду подтверждения истинности Алатеи Белогорцевой. Пусть все увидят правду.

Толпа реагирует на это шквалом одобрительных возгласов. Людям нужна зрелищность, нужна магия, нужна уверенность. Обряд – это как раз то, что может её дать.

Микаэль делает несколько шагов в нашу сторону и, понизив голос так, что слышно только нам с супругом, говорит уже не как Председатель, а как старый воин, дающий совет молодому.

– Артур, – его голос становится тише и суше. – Будь начеку. И будь готов. Готов к борьбе. Не исключено, что Совет, несмотря на все мои слова, дрогнет и встанет на сторону Урсулы. Сила её фракции… растёт. Думай уже сейчас, как ты будешь отстаивать своё право. И помни – закон крови старше любых советов.

Он кивает нам и отходит, чтобы объявить собрание закрытым.

Хаос медленно заполняет пещеру. Нас с Артуром окружают люди – одни хлопают по плечу, другие что-то кричат, третьи просто смотрят с любопытством. Но всё это – один сплошной гул в ушах.

Рука Артура крепко сжимает мою, и он, не говоря ни слова, начинает прокладывать нам путь к выходу, мягко, но неуклонно отодвигая собратьев.

Мы вырываемся из пещеры, и свежий лесной воздух бьёт в голову, как ушат холодной воды.

Я делаю глубокий, дрожащий вдох. Только сейчас до меня доходит, как сильно я напряжена. Всё тело ноет, будто после долгой пробежки.

Мы молча идём по тропинке к нашему дому. Солнце уже поднялось высоко, но его свет не радует.

Артур открывает дверь, мы заходим внутрь, и он поворачивает ключ в замке. Щелчок звучит оглушительно громко в тишине нашего жилища.

И тут меня накрывает. Вся ярость, весь страх, всё напряжение этих часов вырывается наружу одним большим, предательским комом к горлу.

Я оборачиваюсь к мужу, бросаюсь к нему и утыкаюсь лицом в его тёплую и широкую грудь. Я не плачу. Слёз нет. Есть только глубокая, всепоглощающая дрожь, которую я не могу остановить.

– Всё хорошо, любимая, – его руки обнимают меня, одна – на спине, другая – на затылке, прижимая меня крепче. – Всё хорошо. Я с тобой. Мы справимся.

Его голос спокоен. Даже слишком. Он – моя скала. Моя крепость. И пока он со мной, я чувствую, что могу пережить всё что угодно.

Я просто стою так, дыша им, слушая стук его сердца, и понемногу дрожь отступает, сменяясь глухой, тяжёлой усталостью.

И в этот самый момент, когда кажется, что мы можем просто рухнуть на кровать и проспать до следующего утра, раздаётся тихий, но настойчивый стук в дверь.

Мы с Артуром переглядываемся.

Кто? Стражи? Снова?

Глава 4

Артур не выпускает меня из объятий и поворачивается к двери.

– Кто там? – спрашивает он настороженно.

– Это мы, Артур. Алиса и Димка, – доносится из-за двери спокойный, мягкий голос Алисы, а мы выдыхаем. – Принесли вам поесть. Думаем, вам сейчас не до готовки.

Артур внимательно смотрит на меня, будто спрашивает, открыть или нет. А у меня нет причин возражать. Я уже успокоилась, да и Алиса в прошлый раз мне показалась хорошей женщиной. Не вижу смысла отказывать ей в гостеприимстве.

Киваю, а супруг открывает дверь.

На пороге действительно стоят Алиса и её сын. Димка держит в руках плетёную корзинку, откуда доносится дивный, сдобный аромат свежей выпечки. А его мать держит глиняный кувшин, наверняка чаем или чем-то подобным.

– Проходите, – говорит Артур, отступая и впуская их в наш дом. – Нам действительно не до готовки. Совет оказался настоящим балаганом. Спасибо тебе, ты всегда приходишь на помощь, когда это нужно.

Муж улыбается, да и мне становится легче.

– Да что ты, – отмахивается Алиса, её внимательный взгляд скользит по мне, и я вижу в её глазах понимание и долю той же усталости, что и во мне. – В такие дни нужно держаться вместе.

Мы проходим на кухню, расставляем на столе, принесённое гостями. Аромат тёплого хлеба и пряного чая понемногу разгоняет мрачную атмосферу.

Я достаю приборы, накрываю на стол.

Димка, всегда такой жизнерадостный, сегодня заметно притих, но всё равно пытается шутить.

– Ну и денёк, а? – говорит он, разливая чай по кружкам. – У Урсулы сегодня аж пена изо рта шла. Думала, видать, что скажет пару слов – и всё, Совет падёт к её ногам. Ан нет! Микаэль её как следует поставил на место!

– Димка, – тихо одёргивает его мать. – Не надо. Ситуация серьёзная. Не время шутить. Завтра всё может измениться.

Она садится за стол, берёт свою кружку, но не пьёт, а просто держит в руках, согревая ладони.

– Я очень переживаю, Артур, – говорит она, глядя на моего мужа. – Очень. Я считаю тебя самым достойным в нашем клане. Сильным, умным, справедливым. Если тебя лишат титула наследника…

Алиса опускает голову, будто собирается сказать самое важно в своей жизни. Её лицо напряжено настолько, что даже я внимательнее присматриваюсь к ней:

– Это будет катастрофа для всех нас. Урсула… она ведёт клан к старой, дикой воле, где правят только когти и клыки. Но времена уже не те. Волки ведь смогли. Я слышала, Вейлин обосновался в столице. Его клан теперь живёт по всей стране и…

Она снова смотрит на Артура:

– Ты ведь дружишь с ним. А значит, можешь привести и наш клан к такому же процветанию…

– Мама права! – горячо подхватывает Димка. – Ты всегда был для меня примером, Артур! Я и многие другие молодые – мы за тебя!

Я наблюдаю за Алисой. Она говорит правильные вещи, но её взгляд снова убегает в сторону.

Она нервно перебирает складки своей юбки. Та самая задумчивость, что была у неё в пещере, никуда не делась. Она что-то скрывает. Что-то важное.

Может, это и мои домыслы, но не в силах отделаться от дурацкого предчувствия.

И я не выдерживаю. Мои нервы и так на пределе, а эта недосказанность действует на них, как наждак.

– Алиса, – говорю я тихо, но чётко, привлекая её внимание. – Ты что-то не договариваешь. Я вижу. Скажи прямо. Что тебя тревожит?

Алиса вздрагивает, как будто я её уколола. Она переводит взгляд с Артура на меня, и в её глазах мелькает борьба.

Она не хочет говорить, но понимает, что теперь уже нельзя молчать.

– Я… я переживаю за обряд, – наконец выдыхает она, опуская глаза в свою кружку. – За обряд истинности. Один раз… он уже не получился.

Мы с Артуром замираем. Что она имеет в виду?

– Что значит «не получился»? – холодным тоном спрашивает Артур. – Обряд истинности – это священный акт. Он или есть, или его нет. В прошлый раз проклятье мешало, Тее стало больно, по этой причине я остановил обряд. Но в родных землях мы ещё в прошлый раз ощутили все признаки истинности даже сквозь проклятье. Я на тысячу процентов уверен, что Тея – моя половинка. Теперь же никаких преград нет.

– Есть, – шепчет Алиса, и её пальцы белеют от того, как крепко она сжимает глиняную кружку. – Если что-то пойдёт не так. Если вмешается магия сильнее… или если сама истинность будет оспорена не нашими силами. Я… я слышала истории. Старые, полузабытые. Бывало такое. И кто знает, какие последствия проклятья остались…

Она поднимает на нас испуганный, но полный решимости взгляд.

– Мы не можем рисковать. Если обряд провалится, Урсула получит свой главный козырь. Совет точно примет её сторону. Тогда наш клан утонет в крови. Борьба за власть никогда не приводила ни к чему хорошему. Нам нельзя этого допустить.

Она делает паузу, словно набираясь смелости, и произносит то, от чего у меня кровь стынет в жилах:

– Мы должны обмануть всех. Придумать план, который покажет Совету и всему клану, что Тея – истинная. Наверняка.

В кухне наступает абсолютная, оглушительная тишина. Даже Димка замирает с полным ртом пирога, его глаза становятся круглыми, как блюдца.

Я не могу дышать. Обмануть древний магический обряд? Подделать истинность? Это же… это безумие! Это кощунство!

Да и к чему нам такое? Мы с Артуром две половинки целого. Нам это совершенно не нужно!

Супруг медленно ставит свою нетронутую кружку на стол. Звук кажется невероятно громким.

– Алиса, – его голос тих, но в нём такая сталь, что по коже бегут мурашки. – Какое тебе дело до этого? Почему ты предлагаешь нам пойти на обман? Почему ты готова пойти на преступление против наших законов? М?

Замираю и впиваюсь взглядом в женщину, ожидая, что же она скажет в своё оправдание…

Глава 5

Алиса сидит, сжимая свою кружку так, что, кажется, та вот-вот треснет. Её взгляд бегает от Артура ко мне и обратно, полный мучительной борьбы. Она понимает, что сорвалась и сказала слишком много, но назад пути нет.

– Я… – её голос срывается, становится тихим и несвязным. – Это не… Видите ли… – Она безнадёжно машет рукой и вдруг резко поворачивается к сыну. – Дим, сынок, выйди, пожалуйста. Погуляй немного. Нам нужно… взрослые дела обсудить.

– Мам! – возмущается Димка надуваясь. – Я уже не ребёнок!

– Дмитрий, – голос Алисы становится твёрдым, в нём слышатся стальные нотки, которых я раньше не замечала. – Выйди. Сейчас же.

Он смотрит на неё, хочет что-то сказать, но, встретив её непреклонный взгляд, сдувается.

Нехотя шаркает ногами, поднимается и, бросив на нас последний обиженный взгляд, выходит из кухни, а потом раздаётся хлопок входной двери.

Теперь мы одни. Трое в комнате, где воздух так и норовит взорваться.

– Пойдёмте в зал, – тихо говорит Артур. Его лицо непроницаемо, но в уголках губ залегли напряжённые складки. – Здесь неудобно.

Мы переходим в соседнюю комнату, уютную, с большим диваном. Садимся.

Алиса – на краешек, пряча дрожащие руки в складках платья. Я – рядом с Артуром, чувствуя, как его бедро плотно прижато к моему. Он – моя опора, мой якорь в этом внезапно перевернувшемся мире.

Молчание затягивается. Алиса смотрит в пол, её плечи вздрагивают. Кажется, она собирается с духом, чтобы выговорить что-то очень тяжёлое.

– Артур… – наконец выдыхает она, и её голос – всего лишь шёпот, полный боли. – Ты же помнишь… что произошло с отцом Димы? Как он погиб?

Артур замирает. Я чувствую, как его тело на мгновение становится каменным.

– Помню, – его ответ короткий, даже слишком, учитывая, что я об этом ничего не знаю.

– Это была… это была даже не борьба за звание вожака! – голос Алисы срывается, в нём проступают слёзы. – Это была глупая, мелкая стычка! Его… его просто разорвали! На моих глазах!

Её начинает трясти. Мелкая, неконтролируемая дрожь, от которой стучат зубы. Она обхватывает себя руками, будто пытаясь удержаться от рыданий.

– Я боюсь, Артур! Боюсь, что это повторится! Что начнётся та же дикая резня, только в сто раз хуже! Борьба за власть… она не щадит никого! Ни стариков, ни женщин, ни детей! Димка… он уже почти взрослый, он бросится в первую же драку, чтобы защитить тебя! И я могу его потерять! Я не переживу этого!

Слёзы, наконец, прорываются наружу. Они текут по её бледным щекам. Она не смотрит на нас, уставившись в одну точку перед собой, словно снова видит тот ужас.

– Ты мне дорог, Артур, – шепчет она. – Ты – пример для моего сына. Его друг. Ты… ты как старший брат, которого у него никогда не было. Если с тобой что-то случится… если клан погрузится в хаос…

Артур смотрит на неё, и его суровое выражение лица смягчается. В его глазах я вижу боль, сострадание и… странную тень вины.

Он медленно вздыхает и протягивает руку, кладя свою ладонь поверх её сжатых, белых пальцев.

– Алиса… прости. Я не хотел ранить тебя, затронув эту тему. Успокойся. Я понимаю твой страх. Но не надо так себя мучить.

Он говорит тихо, утешая её, и его голос такой мягкий, такой бережный. И вдруг во мне что-то екает. Мелкий, укол ревности. Глупый, иррациональный, но такой острый.

Почему он так нежен с ней? Она красивая женщина, которую он знает всю жизнь…

А я? Я всего лишь его новая жена, с которой он провёл всего одну ночь.

И как только эта мысль проносится в моей голове, Артур тут же отстраняется от Алисы. Не резко, но очень определённо.

Он убирает свою руку и поворачивает голову ко мне. Его зелёные глаза смотрят прямо в мои, и в них я читаю нежность, понимание и лёгкий укор.

«Не ревнуй, глупышка, – звучит в моей голове его мысленный голос, спокойный и ласковый. – Для меня она – сестра. Больше ничего. Между нами ничего не было и никогда не будет».

Мне становится стыдно. Глупо, по-девичьи стыдно. Я отвожу взгляд и киваю, мысленно посылая ему: «Поняла. Прости».

– Всё будет хорошо, Алиса, – говорит Артур вслух, снова обращаясь к женщине. – Я всё понимаю. Но нет смысла заранее переживать и искать обходные пути, которые могут всё только испортить. Мы пройдём обряд. Честно. И всё встанет на свои места.

Алиса с трудом берёт себя в руки. Она вытирает слёзы и делает глубокий, прерывистый вдох.

– Простите меня, – говорит она поднимаясь. Её голос всё ещё дрожит. – Я… я не должна была этого говорить. Не должна была предлагать такое. Просто… страх – плохой советчик. Я пойду. Димка, наверное, уже извёлся весь.

Она кивает нам и, не глядя в глаза, быстро выходит из зала. Через мгновение мы слышим, как открывается и закрывается входная дверь.

Я откидываюсь на спинку дивана и закрываю глаза. Кажется, за этот день я прожила целую вечность.

– Пойдём, – говорит Артур, его рука мягко ложится на мою шею, большим пальцем гладя кожу под ухом. – Нам нужно отдохнуть.

Мы идём в нашу спальню. Здесь, кажется, безопасно, так тепло и уютно. Мы ложимся на кровать, и муж притягивает меня к себе, так что моя голова оказывается у него на груди. Я слушаю ровный, сильный стук его сердца. Это самый успокаивающий звук на свете.

– Что… случилось с отцом Димы? – тихо спрашиваю я, наконец решаясь коснуться этой темы. – Она сказала… его разорвали.

Артур тяжело вздыхает. Его пальцы переплетаются с моими.

– Это было давно. Тогда у нас был конфликт с другим кланом Медведей – с Горностаевскими. Спор из-за охотничьих угодий. Никто не хотел уступать. Встретились на нейтральной территории для переговоров. Леонид был хорошим воином, но… горячим.

Артур замолкает, и в тишине я сама догадываюсь о продолжении:

– Он проиграл в прямом столкновении. Горностаевский был старше, хитрее. Он не просто победил. Он… не оставил Лёне шанса. Даже после того, как тот потерял сознание, не остановился. Это было ужасно. Алиса… она была там. Видела всё.

Меня передёргивает от ужаса. Я представляю эту картину, и по коже бегут мурашки. Безжалостность этого мира, его дикие, жестокие законы снова напоминают о себе.

– А про какие силы она говорила? – переспрашиваю я, стараясь отогнать мрачные образы. – Про те, что могут помешать обряду? Ты знаешь что-нибудь?

Глава 6

Артур качает головой, и я чувствую это движение щекой. Прижимаюсь к мужу ещё плотнее.

Мне немного страшно. А что, если и правда есть какие-то силы, что способны помешать нам быть вместе?

Я всем телом ощущаю нашу истинность и отказать от неё не смогу. Теперь не смогу. Кажется, я понимаю, почему влюблённые погибают без своей пары.

Мы связаны тонкой магической нитью.

Я физически ощущаю, что не смогу без Артура.

Муж ждёт, когда мой поток сознания угомонится и слегка улыбается:

– Нет. Ничего. Никаких «сил», оспаривающих истинность, я не знаю. Это звучит как сказка для запугивания детей. Но… – он задумывается. – Я спрошу у деда. Армэль должен знать, если такие легенды действительно существуют.

Мы лежим молча ещё несколько минут. И вдруг я чувствую, как напряжение в теле Артура сменяется чем-то другим. Чем-то тёплым, игривым и… хищным.

Он медленно переворачивается на бок и нависает надо мной, опираясь на локоть. Его глаза горят двумя изумрудными точками.

Упираюсь в его горячую грудь обеими руками и смотрю на него с удивлением. Что это с ним?

– А теперь, – его голос становится низким, бархатным, и от него по всему телу разливается приятная дрожь, – хватит о грустном. У меня есть дела поважнее.

Я фыркаю, но не могу сдержать улыбки. Его настроение заразительно. Да и чтение мыслей здесь не требуется – я прекрасно понимаю, чего хочет муж.

Он уже весь горит.

Я обнимаю его за шею, притягивая ближе.

– Какие же? – притворно-невинно спрашиваю я.

– Моя жена, кажется, забыла, что у неё есть муж, – он целует меня в шею, и я вздрагиваю. – А муж требует внимания.

– Ой, правда? – смеюсь я, но тут холодок пробегает по коже. – А что будет, если кто-то узнает, что мы уже… ну, живём как муж и жена? До обряда? Это ведь, наверное, страшное преступление?

Артур приподнимается и смотрит на меня с насмешливой серьёзностью.

– Самое страшное, что нам грозит – это поехать жить в столицу. К Вейлину. Без права возвращения.

Я поднимаю бровь.

– И это наказание? Звучит как подарок! Цивилизация, душ, интернет…

– Для тебя – возможно, – он улыбается, но в его улыбке нет веселья. – Для меня, для Медведя… это изгнание. Разрыв с корнями, с землёй предков, с кланом. Мы станем изгоями. Людьми без рода, без племени. Да, мы будем жить, и, возможно, даже хорошо. Но это будет не наша жизнь.

Я задумываюсь над его словами. Да, для него, чья сущность неразрывно связана с этим лесом, с этой землёй, это действительно ужасная кара.

Я прекрасно понимаю, что такое не видеться с родными. Я столько лет жила без мамы, что второй раз не смогла бы пережить подобного.

– А ты… – начинаю я осторожно. – А ты не мог бы… ну, свой клан как-то… организовать? Необязательно в столицу, но… сделать его сильнее, современнее?

Кажется, мне пока изучать эти медвежьи законы.

Артур хмурится, его игривое настроение на мгновение сменяется задумчивостью. Потом он смотрит на меня с хитрой ухмылкой.

– И на что это ты намекаешь, жена? На то, что я должен устроить революцию и стать вожаком-реформатором?

– Ну, а что? – хихикаю я, проводя пальцами по его щеке. – Ты же сильный. Умный. Связи есть. Друг за главного Волка – вообще мощный козырь. Почему бы и нет?

– Потому что традиции, – он целует мою ладонь. – Они, как старые деревья, гнутся, но ломаются с треском. Но… – он снова замирает, и в его глазах мелькает искра интереса. – Это интересная мысль. Очень. Но не сегодня.

Он снова наклоняется ко мне, и его поцелуй выбиваете из моей головы все мысли. Я таю в его объятиях, отвечая ему с той же страстью. Эта жажда, это желание… оно всё ещё кажется мне новым и немного пугающим.

– Знаешь, – выдыхаю я, когда у нас появляется возможность перевести дух. – Это всё моя медвежья кровь виновата.

– В чём? – муж приподнимает бровь.

– В этом желании. Раньше я ничего подобного не испытывала. Оно… проснулось во мне после того, как проклятие сняли. Как будто я была под толстым слоем льда, а теперь оттаяла.

Я говорю это, и вдруг в памяти всплывает тот самый момент. Лес. Ночь. И… ничего больше.

За всеми этими событиями я и забыла, что хотела поговорить об этом.

– Кстати, – приподнимаюсь я на локте, глядя на мужа. – А что тогда произошло? Я так до конца и не поняла. Что стало с моей одеждой? И почему я оказалась в лесу голая? Да и ты не то чтобы одет был.

Вопрос висит в воздухе. Артур замирает. Его весёлое, игривое выражение лица растворяется, сменяясь на… на что?

На осторожность? Он медлит с ответом, и его глаза уходят в сторону.

Это молчание длится всего секунду, но его достаточно, чтобы внутри меня снова зашевелилась тревога.

Что тогда произошло и почему муж не хочет рассказывать мне об этом?

Я даже в его мыслях не могу ничего прочитать. Он мастерски умеет не думать о том, что я хочу знать больше всего.

– Что-то было не так со снятием проклятья? – шепчу я. – Я что-то сделала? Кому-то навредила? Была в трансе?

Слова льются из меня нескончаемым потоком, а нервы натянуты как струны. Муж теперь, даже если и захочет, не сможет и слова вставить в мой монолог.

Руки подрагивают, и я упираюсь обеими ладошками в горячую грудь Артура:

– Что я натворила? – шепчу я.

– С чего ты взяла, что что-то натворила? – улыбается муж, но я слышу волнение в его голосе.

– Была же причина меня раздеть? Не сама же я в припадке это сделала?

– Ну, – ухмыляется муж.

– Сама? – взвизгиваю. – Какой стыд, – со шлепком прикладываю руки к лицу.

– И да и нет, – Артур обхватывает меня за талию и возвращает в свои объятия. – Всё было немного иначе. И это…

В его мыслях мелькает образ, а я застываю как истукан.

– Это сейчас было то, о чём я подумала? – пищу я в ужасе.

– М-да, – муж поджимает губы, – поэтому я и не хотел тебе говорить, надеялся сначала подготовить.

Подпрыгиваю с кровати как ошпаренная. Сердце колотится у самого горла. Задыхаюсь от избытка эмоций. И в итоге не справляюсь:

– Я… я… превратилась, да? – спрашиваю громче, чем рассчитывала.

– Угу, – муж поджимает губы, а на его лице расцветает улыбка.

– О боже! – чуть не лишаюсь чувств. – Я Медведица. Я чёртов медведь! А-а-а-а!

Готова упасть в обморок, но муж ловко ловит меня и нежно говорит:

– Посмотри на это с другой стороны.

– Это с какой же? Я и так не худенькая, а теперь я – громадная, мохнатая Медведица! Это кошмар…

– Зато между нами теперь никаких преград, – ухмыляется Артур.

– Что? О не-е-е-ет… – скулю. – Ты не понимаешь! Я Медведица! Медведица… – выдыхаю.

Смотрю на мужа, а он ухмыляется. Ну да, что несу? Он же тоже Медведь… семья Медведей…

Глава 7

Не могу прийти в себя.

– Громадная… мохнатая… – бормочу я, уткнувшись лицом в плечо мужа.

Мир кружится, и я цепляюсь за него, как за единственную твердыню в этом внезапно перевернувшемся мире.

– Я ведь весила, наверное, как небольшой автомобиль… Как ты вообще смог меня поднять и унести?

Ошарашенно смотрю на супруга.

Артур мягко покачивает меня, его грудь вибрирует от сдерживаемого смешка.

– Ну, ты весила как небольшой автомобиль, а я как большой тягач. Так что считай, ты – для меня пушинка. Но знаешь что?

– М-м? – мычу в его грудь, ужасаясь тому, что слышу.

– Ты была прекрасна.

Я отрываюсь от него и смотрю в его глаза, ища насмешку. Но нахожу только восхищение и тёплую, неподдельную нежность.

– Ты врёшь, – выдыхаю я. – Я была чудовищем. И ты прекрасно это понимаешь.

– Понимаю, – соглашается он, и его пальцы нежно перебирают мои растрепавшиеся волосы. – Понимаю прекрасно. Со мной тоже всякое случалось.

– Расскажешь? – бубню.

– Пубертат. Четырнадцать. Я внезапно превратился посреди урока алгебры. К счастью, мебель была прочной.

Эти слова заставляют меня фыркнуть сквозь ком в горле. Слёзы отступают, сменяясь любопытством и новой порцией паники.

– Как… как мне теперь быть? – спрашиваю я, хватая его за руку. – Как это… сделать? По желанию? Я просто захочу – и стану медведицей? А если не захочу? А если это случится в метро? О боже, я же никогда не смогу поехать в гости к Лике!

Артур терпеливо выслушивает мой поток сознания, его большая ладонь покрывает мою дрожащую руку.

– Тихо, тихо. Всё не так страшно. Превращение… это как дышать. Ты не думаешь о каждом вдохе, да? Со временем это становится частью тебя. Просто чувствуешь потребность, концентрацию силы… и всё.

Он замолкает, и в его глазах мелькает тень задумчивости.

– Но я должен признать… твой случай уникален. Я не знаю никого, кто проходил бы через такие стадии, как ты. Проклятие, снятие, внезапное пробуждение зверя… Обычно наша природа проявляется в подростковом возрасте, постепенно. С тобой же всё случилось разом, как ураган.

– С кем мне можно поговорить об этом? – почти умоляюще спрашиваю я. – С шаманом? С твоим дедом? Может, есть кто-то, кто…

Обессиленно падаю на кровать, раскидываю руки и ноги звездой и пялюсь в потолок.

– Нет, – мягко, но твёрдо говорит Артур. – Сейчас лучше никому не знать. Слишком многое на кону, Тея. Урсула и её приспешники только и ждут, чтобы найти у тебя слабину. Если они узнают, что ты не контролируешь свою природу, что ты… уязвима… они используют это против нас. Ты не готова отстаивать себя в кругу настоящих Медведей.

Его слова как ушат ледяной воды. Он прав. Всегда прав. Но в них есть что-то, что задевает меня за живое.

Я резко сажусь и выпрямляю спину, и на моём лице сама собой расцветает нервная, дерзкая усмешка.

– Настоящих? – переспрашиваю я, и мой голос звенит. Я выставляю руки вперёд, сгибая пальцы в подобие когтей. – А, по-моему, я сейчас самая что ни на есть настоящая. Просто… с сюрпризом.

Артур смотрит на меня, и его глаза загораются смесью удивления и гордости. Он тянется ко мне, и его губы находят мои в поцелуе.

Вся тревога, все вопросы понемногу отступают, смытые этой волной внезапной, всепоглощающей нежности.

Мы разговариваем почти до утра. Обо всём и ни о чём. О его детстве, о будущем, которое теперь видится таким туманным и таким пугающе-прекрасным.

Глаза у меня слипаются, и я засыпаю, прижавшись к нему, под мерный стук его сердца.

Просыпаюсь от божественного аромата. Кофе. Настоящий, крепкий.

Я открываю один глаз и вижу Артура, который ставит на тумбочку рядом со мной дымящуюся кружку.

– Доброе утро, моя Медведица, – говорит он, и его голос полон ласки.

– М-м-м… – протягиваю я, потягиваясь, как котёнок.

Улыбка сама появляется на моих губах. Несмотря ни на что, я счастлива.

Мы завтракаем вместе, на нашей кухне.

Потом Артур предлагает прогуляться.

– Подальше от людей, – добавляет он, и я киваю.

– Последнее, что мне сейчас нужно – это чужие взгляды и перешёптывания.

Мы идём по лесной тропинке, и солнце пробивается сквозь кроны деревьев, рисуя на земле золотые пятна. Воздух чист и свеж. Я вдыхаю его полной грудью, и кажется, что все тревоги остались там, в доме.

Возможно, я бы пробежалась по этим тропам в облике настоящей Медведицы.

Где-то глубоко просыпается желание отдаться во власть природы…

Но моё единение с чем-то необъяснимым быстро проходит.

Из-за поворота появляется Алиса. Она выглядит уставшей, но собранной. В руках у неё не корзинка с пирогами, а какой-то потрёпанный лист бумаги, аккуратно вырванный из книги.

– Артур, Алатея, – кивает она нам, и в её глазах читается извинение ещё до того, как она открывает рот. – Я… я хочу ещё раз извиниться. За вчерашнее. Это было глупо и недостойно с моей стороны. Страх – не оправдание.

– Всё в порядке, Алиса, – Артур кладёт ей руку на плечо. – Мы понимаем.

– Но я не просто так здесь, – она протягивает ему тот самый лист. – Я искала… и нашла. В старых архивах, среди хлама. Прочтите.

Артур разворачивает пожелтевшую бумагу. Я заглядываю ему через плечо. Текст написан старомодным, витиеватым почерком, и некоторые слова стёрлись. Но суть ясна.

Там говорится о «силах отторжения», о «тени, ложащейся на истинную связь», о том, что древняя магия может «исказить закон Медведя» и помешать обряду подтверждения.

– Откуда это? – строго спрашивает Артур.

– Из летописи, которую вела моя бабка, – тихо говорит Алиса. – Она была хранительницей знаний. Я уверена, Урсула знает об этом. И она пойдёт на всё, чтобы её дочь, Мирэль, родила от тебя. Потому что, если Мирэль родит наследника от будущего вожака… её род автоматически станет правящим. По закону.

У меня в животе всё сжимается в холодный ком. Интриги, магия, борьба за власть… Это настоящая игра престолов, только с мохнатыми лапами и когтями.

Я стараюсь не думать о плохом, отгоняю мрачные мысли. И от этого в голову лезет самое простое, примитивное и, чёрт возьми, логичное решение.

– Ну, тогда мне просто надо срочно залететь, и никаких проблем не будет, – бурчу я себе под нос, но, видимо, не достаточно тихо.

Алиса аж подпрыгивает на месте и с ужасом прикладывает ладонь к моим губам, заставляя меня смолкнуть.

– Тихо! Ради всего святого, не говори такое вслух! Тебя же могут услышать! И поймут неправильно! Решат, что ты хочешь обойти закон, привязать Артура ребёнком до обряда! Это вызовет скандал!

Артур мягко отводит руку Алисы ото рта и успокаивающе сжимает её плечо.

– Всё хорошо, Алиса.

Но тут же в моей голове раздаётся его голос, тёплый и полный того самого хищного веселья, что было у него прошлой ночью.

«А мне твой ход мыслей нравится. Если ты не против, то сразу после обряда мы можем этим вопросом озадачиться. Очень серьёзно».

Я замираю, глядя на мужа. Его внешнее выражение лица – спокойное и серьёзное, но в зелёных глазах пляшут чёртики. И я понимаю, что он не шутит.

Мысль о ребёнке… она уже не кажется мне такой пугающей. Пугает другое. Этот мир, эти законы.

Как привести малыша в этот хаос и борьбу за власть? разве это будет справедливо?

Этот вопрос так и висит у меня в голове, пока Алиса снова что-то говорит про силы, способные обойти законы.

И чем дольше она говорит, тем больше я думаю, что уехать в столицу и создать там свой клан – куда более разумное решение, чем вступать в кровавую бойню здесь…

Глава 8

Я задумываюсь, глядя на лес, на этот древний, живой мир, который теперь и мой. Я принадлежу ему. Я – Медведица. И должна жить по его правилам.

Но мне до чёртиков не нравится, что кто-то, будь то Урсула или целый Совет, пытается диктовать мне, когда и как мне любить своего мужа и строить с ним семью.

Артур, словно чувствуя мои мысли, обнимает меня за плечи и мягко, но настойчиво уводит прочь, кивая на прощание Алисе.

– Никаких глупостей, – смотрит она нам вслед с тревогой. – Пожалуйста.

Я про себя нервно хмыкаю. Глупостей? Да мы их уже наделали выше крыши.

И знаете что?

Мне это нравится.

Я смотрю на своего мужа, на его сильный профиль, на уверенную походку хозяина этих земель. И в моих мыслях, адресованных только ему, звучит признание:

«Знаешь, а я не против повторить некоторые из наших глупостей. И… ребёнка я от тебя хочу. Очень. Просто…»

И тут мой внутренний монолог спотыкается о новый, внезапный страх.

«Только вот вопрос… кто это будет? Человек? Или… Медведь? И как это вообще всё будет выглядеть?»

Ответ приходит в мои мысли мгновенно, обволакивая тёплой, уверенной аурой, в которой смешались нежность и суровая реальность.

«Учитывая все обстоятельства, моя любовь, на все сто процентов у нас будут маленькие, хорошенькие медвежата. Наша природа почти всегда доминирует в первом поколении. И это даже к лучшему».

«К лучшему?» – мысленно переспрашиваю я, всё ещё не в силах представить себе пушистый комочек с его глазами и моим… нет, всё-таки его упрямством.

«Это объединит кланы, Тея. Окончательно. Твой род, род твоего деда, и мой. Наш ребёнок станет живым символом того, что раскол преодолён. Для многих это будет важнее любых слов и обрядов».

Я молча киваю, глядя прямо перед собой. Он прав. Всегда прав. Это не просто наше личное счастье.

Это политика. Дипломатия.

Наследник, в чьих жилах течёт кровь двух кланов, разом снимет десятки старых претензий.

Это гениально. И чертовски страшно.

Мы идём по тропинке, ведущей к нашему дому, как вдруг из-за ствола старой сосны появляется Мирэль.

Дочь Урсулы.

Та самая, что должна была, по мнению своей матери, стать избранницей Артура.

Я не могу сдержать короткой, едкой усмешки. Под её глазами красуются фиолетовые, неопрятные синяки, а переносица кажется слегка припухшей.

Да, нос я ей знатно повредила в том бою, раз она до сих пор так выглядит. Приятно сознавать, что память о моём ударе будет с ней ещё довольно долго.

Мирэль, заметив мой взгляд, фыркает, и её красивое, но надменное лицо искажается гримасой презрения. Она полностью игнорирует меня, обращаясь напрямую к Артуру, и её голос сладок, как забродивший мёд.

– Артур, не расслабляйся. До брачных игр остались считаные дни. А истинность, – она ядовито выделяет слово, бросив на меня быстрый взгляд, – до сих пор не подтверждена перед

Советом. А это значит, что ты должен будешь выполнить его решение. Как и подобает будущему вожаку. Если, конечно, ты им останешься.

Что-то тёмное и горячее клокочет у меня в груди. Низкий, предупредительный рык сам вырывается из моего горла, прежде чем я успеваю его сдержать.

Я чувствую, как глаза мои вспыхивают, наливаясь тем самым огнём, что я видела у Артура.

Чёрт! Сейчас нельзя выдавать себя!

Но отступать уже поздно. Я делаю шаг вперёд, вставая между ней и Артуром. Мой голос тих, но каждое слово отточено, как лезвие.

– Решение Совета будет основано на результатах обряда. А он пройдёт, когда будет необходимо. И я бы на твоём месте помалкивала и не лезла к чужому мужу. Или тебе мало синяков под глазами? Хочешь ещё?

Мирэль отшатывается, будто я её ударила. Её глаза вспыхивают от ярости и шока. Она явно не ожидала такой прямой атаки.

Похоже, Мирэль далеко не такая смелая, как её мамашка.

Рядом со мной раздаётся низкий, одобрительный смешок Артура.

Он обнимает меня за талию, притягивая к себе, и его голос гремит, полный неподдельной гордости:

– Именно такой и должна быть истинная будущего вожака. Сильная. Яркая. И готовая разорвать любого, кто посмеет усомниться в нашей связи. Запомни это, Мирэль. Ты даже себя отстоять не можешь, как ты собралась защищать моего сына?

Девушка стоит несколько секунд, багровея от бессильной злости. Она смотрит на нас и явно понимает, что проиграла этот раунд.

– Или, может, хочешь покрыть род позором? – давит Артур. – Ведь по закону я могу забрать у тебя ребёнка, если ты не способна дать ему всё, что потребуется. Сын от наследника даёт много привилегий, но это ещё и огромная ответственность…

Мирэль, насупившись, резко разворачивается и, не сказав больше ни слова, уходит, высоко задрав подбородок, но по её кулакам видно, как она взбешена.

Мы молча возвращаемся домой. Заперев дверь, я прислоняюсь к ней спиной и закрываю глаза. Адреналин понемногу отступает, сменяясь тревогой.

– Это правда? Ты можешь забрать ребёнка у его матери?

– Не волнуйся, – улыбается Артур. – К истинным это не относится. Мы будем воспитывать наших детей вместе.

Выдыхаю с облегчением, а то во мне уже начала бушевать ярость. Что, кстати, странно.

Я ещё не беременна, но уже готова открутить голову даже Артуру, лишь бы не отдать своих детей. Наверное, это и есть то, про что говорил муж. Та решимость защищать своё потомство – животный инстинкт.

И во мне он явно есть…

Но сейчас есть куда более важные дела…

– Силы, о которых говорила Алиса… – начинаю я. – Артур, а что, если они правда существуют? Что, если Урсула найдёт способ помешать обряду?

Он становится серьёзным, подходя ко мне.

– Я не могу это исключать. Поэтому я сейчас пойду к деду. Армэль должен знать о найденной Алисой записи. Если такие силы реальны, он может знать, как от них защититься.

– Хорошо, – киваю я. – А я… а я займусь твоей библиотекой. Если хоть что-то об этом есть, я это найду.

Он целует меня в лоб и уходит. Я остаюсь одна в нашем тихом доме. Сначала просто стою посреди комнаты, слушая тиканье часов. Потом глубоко вздыхаю и направляюсь в его кабинет.

Кажется, мы с Артуром – неплохая команда. Отлично понимаем друг друга и явно хотим одного и того же.

Библиотека мужа – это не просто полки с книгами. Это собрание фолиантов, свитков, потрёпанных тетрадей с полевыми заметками. Я провожу пальцами по корешкам, чувствуя подушечками шероховатость и трещинки.

Я должна быть готова.

Я не могу позволить, чтобы какая-то тёмная магия отняла у нас всё.

Глава 9

Я погружаюсь в чтение. Часы пролетают незаметно. Солнечные лучи за окном удлиняются, окрашивая комнату в золотистые тона. Я так сосредоточена, что не слышу шагов, пока в дверь не стучат.

На пороге снова Алиса. В её руках – новая корзинка, откуда тянет умопомрачительным ароматом свежеиспечённых пирогов с капустой и грибами.

Удивляюсь тому, насколько явственно я ощущаю этот аромат. Неужели это потому что я теперь могу превращаться?

Мои рецепторы стали более чувствительными?

Пожалуй, об этом тоже стоит подумать…

– Думаю, вам обоим сегодня не до еды, – говорит она, протягивая мне корзинку. – Хоть немного подкрепитесь.

И только сейчас я понимаю, что с самого утра ничего не ела. Желудок предательски сводит от голода.

– Спасибо, Алиса, – искренне говорю я. – Заходи. Артур скоро должен вернуться.

Она качает головой, лёгкая тень тревоги снова мелькает в её глазах.

– Нет, нет, меня Димка ждёт. Он сегодня что-то приуныл после вчерашнего. Надо с ним поговорить. Вы кушайте на здоровье.

– Спасибо ещё раз…

Она уходит, а я, не в силах противостоять аромату, несу корзинку на кухню, ставлю чайник и, отломив кусок ещё тёплого, хрустящего пирога, возвращаюсь в кабинет с намерением продолжить поиски.

Я читаю, пролистывая пожелтевшие страницы, запивая чаем сладость выпечки. И вот, в одной из самых старых книг, чьи страницы вот-вот рассыплются в прах, я нахожу это. Не просто упоминание, а целый абзац.

Там говорится о «Тени Сомнения», о «Проклятии Раздора», что может наслать на истинную пару «тот, чьё сердце отравлено великой, личной обидой, утратой, что обратила всю его душу в пепел ненависти».

В тексте прямо сказано, что обычное стремление к каким-либо благам, каким бы сильным оно ни было, не способно призвать столь могущественную магию. Нужно нечто большее.

«Сила сия питается не амбициями, а сгоревшим сердцем, растоптанной верой, кровью, за которую жаждут отмщения».

Я откидываюсь на спинку кресла, в ужасе глядя на строки. Жажда власти Урсулы, кажется мне теперь детской забавой по сравнению с этим. Это требует чего-то чудовищного. Личной, выжегшей душу трагедии.

И тогда новый, леденящий вопрос приходит мне в голову. Я смотрю в темнеющее за окном небо, и по спине бегут мурашки.

А нет ли в клане кого-то, кто ненавидит род Белогорцевых не за власть, а за что-то иное?

Кто-то, чья обида куда глубже, древнее и смертоноснее, чем у Урсулы? Кто-то, о ком мы даже не подозреваем?

Может, во времена Марьяны и Армэля произошло что-то ещё? Надо бы поговорить с ними.

Я доедаю пирог и допиваю чай, а потом топаю на кухню, чтобы помыть кружку. В окно вижу, как к дому подходит Артур.

Лицо у него сосредоточенное, шаги тяжёлые. Сразу же улыбаюсь, спеша к двери, хотя по его виду ясности нет. Он выглядит озадаченным.

Интересно, что ему сказал дед?

***

В это же время в кабинете Армэля.

Я захожу в кабинет деда, и первое, что вижу – Марьяну. Она сидит в углу на кресле, и на её запястьях по-прежнему поблёскивают магические наручники.

От этого зрелища у меня в груди что-то неприятно сжимается. С меня-то их сняли сразу.

– Почему на ней до сих пор оковы? – обращаюсь я к Армэлю, который сидит за своим массивным столом и смотрит на меня усталыми, но внимательными глазами. – С неё тоже нужно их снять.

Марьяна, вместо того чтобы обрадоваться моему заступничеству, лишь фыркает, поднимая на меня насмешливый взгляд.

– О, спасибо за заботу, внучек, – говорит она, и в её голосе слышится язвительная нотка. – Скажем спасибо, что рот мне пока не заткнули. И слава Богине. Думаю, они просто страхуются. И, если честно, – она звякает браслетами, – я их понимаю.

Маряна громко хохочет и поглядывает на Армэля:

– Оставлять такую могущественную и, чего уж греха таить, обиженную на весь свет ведьму без присмотра… не самое разумное решение.

Я сжимаю кулаки, но вынужден признать её правоту.

Да, она – моя бабка. Да, она раскаивается.

Но сила её по-прежнему огромна, а прошлое оставило в её душе шрамы, которые вряд ли когда-нибудь полностью затянутся.

Доверие нужно заслужить, а не требовать его.

– Ладно, – отступаю я. – Тогда поговорим о деле. Алиса нашла кое-что в старых архивах. Вы знаете что-нибудь о силах, которые могут помешать подтверждению истинности? О чём-то, что может исказить саму связь?

Армэль медленно мотает головой, его седые брови сдвигаются.

– Нет. Никогда не слышал. Истинность – это дар, основа нашего бытия. Её нельзя подделать, но опыт Волков говорит, что мы многого просто не знаем…

А вот Марьяна затихает. Её насмешливое выражение сходит с лица, сменяясь глубокой задумчивостью.

Она смотрит куда-то в пространство перед собой, будто перебирая в памяти древние, пыльные свитки.

– Есть… – начинает она наконец, и её голос теряет привычное ехидство, становясь серьёзным и даже немного торжественным. – Есть нечто. Куда более страшное и древнее, чем то, что натворила я в своё время. «Тень Сомнения». Оно не разрушает истинность – оно отравляет её, наводит тень на самую суть связи, сея хаос в душах и в магии.

Я замираю, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Такое развитие событий мне не нравится.

– Но, – Марьяна обводит нас с дедом тяжёлым взглядом, – я не знаю никого в этом клане, кто был бы способен призвать такую силу. Для этого нужна не просто злоба или жажда власти. Нужна… выжженная душа. Сердце, обращённое в пепел. Урсула? – Она презрительно фыркает. – Она мелочная интриганка. Её ненависти не хватит, чтобы зажечь спичку, не то что призвать древнюю тень.

Марьяна смотрит прямо на меня, и в её глазах я вижу странную смесь уверенности и беспокойства.

– И в вашей с Теей истинности сомневаться не приходится. Вы идеально вписываетесь в магические законы вселенной. Баланс. Понимаешь? – Она указывает пальцем на себя. – Я совершила великое зло, наслав проклятие. И ради баланса моя же кровь – мой внук – его снял.

Всё как положено. Колесо судьбы повернулось. Так что, по всем законам магии, волноваться не о чем.

Её слова должны успокоить, но почему-то не успокаивают. Ощущение надвигающейся бури не отпускает.

– Но лучше подготовиться, – говорит Армэль, перехватывая мою тревогу. – Артур, есть ли что-то, что я должен знать до обряда? Что-то, что может на нём отразиться?

Я встречаю его пронзительный взгляд и понимаю, о чём он.

О ночи с Теей. О том, что мы уже муж и жена не только перед людьми, но и в самом сокровенном смысле.

Я качаю головой, чувствуя, как тепло разливается по щекам. Нет, не стыда, а скорее… странной гордости.

По всем древним законам Тея – моя. И какие-то правила, придуманные Советом – пыль на их фоне.

– Нет, дед. Ничего из того, что я могу сказать, на обряде не отразится. Наша связь… она настоящая. В этом я уверен.

Марьяна вдруг громко смеётся, и этот звук наполняет комнату, сметая напряжённость. Она с силой бьёт Армэля по плечу, отчего он вздрагивает и хмурится.

– Ах ты, старый чурбан! – весело восклицает она. – Перестань мучить молодых своими дурацкими вопросами! Не мешай им жить! Или ты забыл, как мы сами давали клятвы, когда я уже носила под сердцем нашу дочь? А? Вспомни!

Я застываю с широко раскрытыми глазами, глядя то на неё, то на деда. Армэль откашливается, и по его шее разливается краска. Он отводит взгляд, явно смущённый.

– Марьяна… – начинает он строго, но она его перебивает.

– Что, Марьяна?! – Она поворачивается ко мне, и её глаза горят. – Слушай сюда, внук. Закон Медведя, все эти советы и ритуалы – это человеческие правила. Удобные, нужные, чтобы не скатиться в хаос. Но истинность…

Она прижимает руку к груди, поверх сердца, и внимательно смотрит мне в глаза:

– Это животное. Сама сущность. Первобытная сила, которая могущественнее любых законов. И нет в ней ничего постыдного! Вы с Теей… перед самой Луной уже обвенчаны! Ваши души нашли друг друга! Так что все эти обряды – просто формальность для упрямых стариков вроде него!

Она снова тычет пальцем в Армэля.

Её слова падают на благодатную почву. Они резонируют во мне, подтверждая то, что я и сам чувствовал всем своим естеством. Никто и ничто не может запретить нам с Теей быть вместе.

Наша связь – это данность, как восход солнца или смена времён года.

И всё же…

Я выдыхаю и киваю им обоим.

– Понял. Спасибо.

Я прощаюсь и выхожу из кабинета, оставив их разбираться со своим давно запутанным прошлым.

Лёгкость, с которой Марьяна говорит о нашей связи, вселяет в меня уверенность.

Но глубоко внутри, в самом сердце, остаётся крошечная, холодная точка. Ощущение, что что-то грядёт. Что-то, чего не видят даже они.

И это «что-то» не имеет ничего общего с человеческими законами или магией предков. Оно куда опаснее.

Потому что оно безлико, неизвестно и потому пугающе.

Глава 10

В это же время кабинет Председателя

Дверь в кабинет Микаэля с грохотом распахивается, едва не сорвавшись с петель. На пороге, залитая гневным румянцем, стоит Урсула. Её грудь вздымается, а глаза мечут молнии.

– Объясни! – шипит она, не утруждая себя приветствием. – Объясни мне, почему на собрании ты поддержал Артура? Почему позволил снять с него оковы? Мы же договорились давить на них!

Микаэль, сидящий за своим столом, не выглядит ни удивлённым, ни испуганным. Он медленно откладывает в сторону бумаги, которыми занимался, и поднимает на неё спокойный, тяжёлый взгляд.

– Успокойся, Урсула, – его голос ровный и безразличный. – И прикрой дверь. Не стоит выносить наш разговор на всеобщее обозрение.

Она с силой захлопывает дверь, но приближаться к столу не рискует, продолжая пылать как факел.

– Я не могу спокойно сидеть, когда всё идёт прахом! Ты видел, как они держатся? Как он на неё смотрит? Эта человечишка уже вьёт из него верёвки!

Урсула почти рычит от бессилия, все её надежды рушатся, а старик перед ней даже и не думает шевелиться.

– Я не мог открыто поддерживать тебя, – терпеливо, словно объясняя ребёнку, говорит Микаэль. – Слишком много глаз, слишком много ушей. Слишком много тех, кто до сих пор верит в святость истинности и помнит заслуги Армэля. Давить на них в лоб сейчас – значит настроить против себя половину клана. Тебе нужно набраться терпения.

– Терпения? – фыркает Урсула. – У меня его больше нет! Брачные игры на носу! Моя дочь…

– Я знаю, что делаю, – холодно парирует Микаэль, перебив Медведицу. – Сейчас у Артура много сторонников. Его история любви, снятие проклятия… это вдохновляет.

Председатель поднимается со своего места и сам подходит к Урсуле. Он наклоняется к ней и продолжает шёпотом:

– Сначала нужно лишить его этой поддержки. Посеять раздор, сомнения. Лишить его ореола непогрешимого наследника. И лишь потом, когда он останется один, можно будет добиться своего.

Урсула смеривает Микаэля изучающим взглядом, ярость понемногу сменяется любопытством.

– И какой у тебя план?

Председатель Совета медленно улыбается. Это безрадостная, хищная улыбка, от которой по коже бегут мурашки.

– Это не твоя забота. Твоя задача – быть готовой и не делать глупостей. Я сам во всём разберусь. Тебе нужно лишь быть оружием, когда я скажу слово. А сейчас… оставь меня. Мне нужно подумать.

Урсула стоит ещё мгновение, сжав кулаки, но возражать не смеет. С глухим ворчанием она разворачивается и выходит, на этот раз закрыв дверь с подчёркнутой тишиной.

Микаэль снова берёт документы и принимается их изучать.

В его старческих, потухших глазах вспыхивает холодный, расчётливый огонёк.

***

В доме Артура и Теи

Я стою на пороге нашего дома, встречая Артура. Он поднимается по ступенькам, и по его лицу я вижу – новости есть, и они неоднозначные.

– Ну что? – спрашиваю я, пропуская мужа внутрь, и сразу же закрываю дверь. – Что сказал дед? И… бабушка?

Мы проходим в гостиную, и он, тяжело вздыхая, опускается на диван рядом со мной. Я прижимаюсь к нему, чувствуя напряжение, исходящее от его тела.

– С Марьяной всё в порядке, – начинает он.

Но тут же морщится и мотает головой:

– Нет, не в порядке. На ней до сих пор эти чёртовы наручники. Но она… она держится. Я понимаю, она причинила тебе боль, но она…

– Твоя бабушка, – киваю. – Я прекрасно это понимаю, любимый.

Жмусь ещё больше к его груди. Артур поглаживает меня по спине и рассказывает. Всё.

Про «Тень Сомнения», про то, что Урсула, по мнению Марьяны, слишком мелкая фигура для такой магии. И про главное…

– Она сказала, что была беременна моей матерью, когда они с Армэлем проходили обряд подтверждения истинности, – выдыхает Артур, и в его глазах читается смесь изумления и облегчения. – И это никак не повлияло на ритуал. Никак. Магия признала их связь настоящей, несмотря ни на что.

Во мне что-то отзывается на эти слова тихим, радостным эхом. Значит, наша ночь, наша близость… это не преграда.

Это не осквернение древних законов. Это – просто часть нашей истинности.

– Значит… всё в порядке? – осторожно спрашиваю я.

– С точки зрения магии – да, – кивает он. – Марьяна уверена, что мы – часть великого баланса. Что ты, сняв проклятие, восстановила равновесие. И что наша связь нерушима.

– Но? – слышу я в его голосе непроизнесённое «но».

– Но, – он хмурится, – это не отменяет интриг Урсулы. И того, что кто-то, возможно, обладает куда более веской причиной для ненависти, чем она.

Мы сидим молча, обдумывая всё услышанное. Страх и надежда борются во мне. С одной стороны – уверенность в нашей связи. С другой – тень неизвестной угрозы.

В конце концов, мы решаем отложить мрачные мысли хотя бы на ночь. Мы готовим ужин вместе, наша кухня наполняется уютными звуками.

Мы говорим о пустяках, смеёмся, и понемногу напряжение отступает. Ночью мы ложимся спать в обнимку, и его руки вокруг меня – самый надёжный щит от любых тревог.

Утро встречает нас ласковым солнцем. Мы завтракаем и снова выходим на прогулку, на этот раз надеясь найти хоть немного покоя. Но покой в клане Медведей – понятие относительное.

На лесной тропинке мы почти сталкиваемся с Димкой. Он бежит куда-то сломя голову, и на его обычно жизнерадостном лице читается паника.

– Артур! Тея! – он хватает Артура за рукав, пытаясь отдышаться. – Я вас искал!

– Что случилось? – мгновенно настораживается Артур, кладя руку на плечо парня.

– Мама… – Димка глотает воздух. – Она что-то затевает. Тайком собирает вещи в доме. Не все… только самые ценные вещи. Я спросил – она отмахивается, говорит, что наводит порядок. Но я же не дурак! – в его голосе слышится обида и страх. – Она хочет сбежать! До того, как начнётся возня за власть! Я в этом уверен!

Я смотрю на Артура и вижу, как его челюсти сжимаются. Алиса… она так боится повторения прошлого, что готова бросить свой дом, свою жизнь?

– Хорошо, Дим, успокойся, – говорит Артур твёрдым, обнадёживающим тоном. – Я разберусь. Никто никуда не убежит. Обещаю.

Парень кивает, немного успокоенный, и, бросив на нас последний взгляд, полный надежды, плетётся обратно в сторону своего дома.

Весь остальной день проходит в напряжённом ожидании. Мы с Артуром пытаемся строить планы, но все они кажутся хрупкими, как паутина. Мы не знаем, откуда ждать удара.

вечером это ожидание разрешается.

Как только солнце начинает клониться к горизонту, с центральной опушки, что служит общественной площадью, раздаётся низкий, мощный звук ритуального рога. Он гудит три раза, призывая всех членов клана.

Мы с Артуром переглядываемся и, не сговариваясь, идём к источнику звука.

На опушке уже собрались почти все. В центре, на импровизированном возвышении, стоит Микаэль.

Его фигура в лучах заходящего солнца кажется монолитной и неумолимой.

Когда народ затихает, он начинает:

– Слушайте все! – его голос раскатывается над толпой. – Совет принял решение!

Он делает драматическую паузу, и в воздухе повисает такая тишина, что слышно, как шелестят листья на деревьях.

– Завтра, с восходом солнца, на Священной поляне состоится обряд подтверждения истинности нашего наследника, Артура Белогорцева, и его избранницы, Алатеи!

По толпе проносится гул. Сотни глаз устремляются на нас. Я чувствую, как Артур выпрямляется рядом, его рука находит мою и сжимает её.

– И сразу после обряда, – голос Микаэля становится громче, перекрывая шёпот, – когда истинность будет либо подтверждена, либо опровергнута, Совет будет готов огласить своё окончательное слово… – он снова делает паузу, и его взгляд медленно скользит по нашим лицам, – относительно отстранения рода Белогорцевых от власти!

Гул превращается в настоящий ропот. Одни лица выражают шок, другие – злорадство, третьи – страх.

Микаэль не ждёт реакции. Он опускает руку и, не глядя ни на кого, сходит с возвышения и удаляется в сторону своего дома.

Мы остаёмся стоять под прицелом взглядов.

Завтра.

Всё решится завтра.

И я чувствую, как по моей спине, словно предвестник бури, снова бегут леденящие душу мурашки.

Глава 11

Ночь, кажется, только началась, когда я проваливаюсь в чёрную дыру беспокойного сна. Но проходит всего несколько часов, и меня вырывает из забытья. Не звуком, не светом.

Жаром.

Рядом со мной Артур горит. В прямом смысле слова. Его кожа обжигающе горяча, будто внутри него разожгли кузнечный горн.

Он не кричит, не мечется, но всё его тело напряжено до дрожи, мышцы каменеют под моей ладонью.

– Артур? – шепчу я, стараясь разбудить его.

Но он не слышит. Его дыхание прерывистое, хриплое. И сквозь кожу, сквозь жар, я чувствую нечто другое – вихрь ужаса, ярости и бессилия, бушующий в нём.

Моё собственное дурное предчувствие сжимается в тугой, ледяной комок в груди. Я не хочу этого делать, мне страшно, но я не могу оставить его одного в этом кошмаре.

Я закрываю глаза, переступаю через барьер своей воли и погружаюсь в бурлящий океан его сознания.

И вижу.

Тёмный, бесконечный лес.

Не наш, живой и дышащий, а мёртвый, с искорёженными, чёрными стволами деревьев.

В центре – Артур. В человеческом облике. Он сражается. С огромным, тенеподобным медведем, чьи глаза – две угольные ямы, пожирающие свет.

Он бьёт кулаками, уворачивается, но каждый удар отскакивает от твари, не причиняя вреда. Он пытается превратиться, я вижу, как его тело напрягается, как мускулы наливаются силой, но ничего не выходит.

Что-то сковывает его, не даёт высвободить зверя. Он в ловушке. Один.

– Артур! – кричу я в этом кошмарном мире, и мой голос – всего лишь эхо.

Он оборачивается. Его глаза, полные боли и ярости, находят меня. И в тот же миг что-то щёлкает.

Раздаётся оглушительный рёв, и его человеческое тело взрывается ростом, шерстью, силой. Он превращается. Сейчас. В своём же сне.

Реальность отвечает ему взаимностью.

Грохот раздаётся оглушительный, будто в дом ударила молния. Наша крепкая деревянная кровать с громким треском разлетается на куски под внезапно приобретёнными центнерами веса моего мужа.

Пыль и щепки взметаются в воздух.

Я вскрикиваю и отскакиваю к стене, сердце колотится где-то в горле. Посреди обломков, на полу, лежит огромный, дышащий тяжёлой грудью медведь. Он замирает на секунду, ошеломлённый, а затем его тело снова меняет форму, сжиматься, и через мгновение на полу, среди щепок, сидит совершенно голый и растерянный Артур.

– Что… что это было? – он смотрит на свои руки, потом на меня, потом на руины нашей кровати.

– Ты… ты горел, – выдавливаю я, всё ещё не в силах отдышаться. – И тебе снился кошмар. Ты дрался и не мог превратиться. А потом увидел меня и… – я показываю жестом на разрушения.

Он проводит рукой по лицу, смахивая пыль и пот.

– Я не понимаю. Что это значит? Предзнаменование? Предупреждение?

Я подползаю к нему, не обращая внимания на щепки, и беру его лицо в свои ладони. Его кожа всё ещё горячая, но уже не обжигает.

– Это значит, что у тебя сдали нервы, любимый. На нервах и не такое бывает. Ты взвалил на себя слишком много. Клан, Совет, Урсула, я… Это просто сон. Выплеск напряжения.

Он смотрит на меня, и с улыбкой целует мою ладонь.

– Наверное, ты права.

Спать мы уже не ложимся. Что толку? Солнце скоро взойдёт. Мы молча убираем самый крупный мусор, а потом я варю крепкий травяной чай с мёдом.

Мы сидим на полу в гостиной, прислонившись спиной к дивану, и пьём его, наблюдая, как за окном ночная тьма понемногу сменяется серыми, затем розовыми, а потом и золотыми тонами.

Пора.

Мы молча собираемся. Одеваемся в простую, удобную одежду, и выходим из дома. Наш путь лежит к священной пещере, где нас уже ждёт шаманка.

Воздух прохладен и свеж, но внутри меня всё сжато в один сплошной узел. Пещера встречает нас запахом дымящихся трав и влажного камня.

Шаманка, пожилая женщина, жестом приглашает нас внутрь.

Подготовка к обряду – это целый ритуал. Она помогает нам облачиться в специальные, простые одежды из небелёного льна. Мои волосы она тщательно расчёсывает костяным гребнем, а затем заплетает в одну толстую косу, вплетая в неё засушенные травы, чей горьковатый аромат кружится у меня в голове.

– Не бойтесь, – говорит она нам, и её голос похож на шелест листьев. – Истинность – это река. Она либо есть, либо её нет. Её нельзя создать или уничтожить. Можно лишь подтвердить её течение. Откройте сердца. И доверьтесь.

Мы киваем. Получаем последние напутствия – о чистоте помыслов, о вере, о силе духа.

Всё это проплывает мимо моих ушей, потому что внутри всё звенит от напряжения.

Затем мы выходим из пещеры на центральную опушку.

Народу собралось ещё больше, чем вчера. Кажется, пришёл весь клан. Все глаза прикованы к нам.

В первых рядах я вижу Димку. Он ловит мой взгляд и широко, открыто улыбается, поднимая большой палец.

«Удачи!» – читаю я по его губам.

Эта простая поддержка согревает меня изнутри. Но Алисы рядом с ним нет. Пустое место словно кричит о её страхе.

Рядом с ритуальным кругом стоят Армэль и Марьяна. На бабушке всё ещё наручники, но сейчас она словно не замечает их. Она прижалась мужу, и они о чём-то тихо шепчутся, и на её лице играет лёгкая, почти девичья улыбка.

Армэль смотрит на неё так, будто видит впервые. Эта картина вселяет в меня странную надежду. Они ведь тоже истинные…

Микаэль поднимается на возвышение. Его взгляд холоден и непроницаем.

– Клан Медведя! – его голос режет утренний воздух. – Пришло время узнать волю великого предка! Пришло время подтвердить или опровергнуть связь, что претендует на звание истинной! Начинаем обряд!

Шаманка выходит в центр очищенного круга. Она поднимает свой резной посох и начинает напевать низкую, горловую песню. Воздух вокруг неё начинает дрожать, мерцать.

И снова, как и в прошлый раз, начинается магическое представление. Из света и тени рождаются образы. Великий Медведь, дарящий своим детям силу. Матушка Луна, благословляющая первые истинные пары, сотканные самой судьбой.

История нашей природы разворачивается перед нами, красивая, эпичная и… пугающая своей неизбежностью.

Я уже готова. Всё моё существо сосредоточено на моменте. Я чувствую ладонь Артура, его пальцы крепко сжимают мои.

«Всё будет хорошо, любимая, – слышу я его мысленный голос, твёрдый и спокойный, несмотря на вчерашний кошмар. – Я с тобой. Мы вместе».

«Я знаю», – мысленно отвечаю я, впитывая его уверенность как губка.

Шаманка завершает свою песнь. Она поворачивается к нам. Её глаза, теперь светящиеся внутренним светом, останавливаются на мне. Она делает шаг вперёд и опускает наконечник своего посоха мне на грудь, прямо над сердцем.

– Пусть сила Медведя проникнет в твою суть, дитя, и покажет нам истину! – провозглашает она.

Я закрываю глаза, готовясь к потоку энергии, к теплу, к чему угодно.

Глава 12

Сначала я слышу – только звуки. Нарастающий гул толпы. Перешёптывания, полные нетерпения. Дыхание Артура рядом.

А потом все звуки разом исчезают. Будто кто-то выключил мир. В ушах – абсолютная, оглушительная тишина.

И моё тело… оно становится тяжёлым. Невыносимо тяжёлым. Кажется, я сейчас проваливаюсь сквозь землю. Каждая клеточка наливается свинцом.

Где-то совсем рядом, прямо над ухом, зудит крошечная, но навязчивая точка страха. Она шепчет, что сейчас что-то пойдёт не так. Что-то ужасное.

И следом за этим предчувствием, пронзая оглушительную тишину, раздаётся пронзительный, полный ужаса женский крик.

Я пытаюсь открыть глаза. Мне нужно увидеть! Но веки не слушаются. Они будто приклеены. Они тяжелы, как и всё моё тело.

Кажется, что-то всё же пошло не так. Очень, очень не так.

Эта тяжесть затягивает меня. Не в сон, нет. Это что-то другое. Я проваливаюсь внутрь себя, в чёрную, липкую трясину собственных страхов. Они поднимаются со дна, облепляют меня, шепчут на разные голоса.

«Ты не справишься».

«Ты не его истинная».

«Они все увидят, что ты обманщица».

«Ты останешься одна».

Я барахтаюсь в этом болоте, пытаюсь выплыть, но оно тянет меня вниз. Паника сжимает горло. Я не могу дышать. Я тону.

Но сквозь этот хаос пробивается что-то ещё. Что-то тёплое и знакомое. Его рука. Память о моей руке в его ладони.

Его голос в голове: «Всё будет хорошо, любимая. Мы вместе».

Этот образ становится спасательным кругом.

Цепляюсь за него из последних сил.

Я не могу сдаться. Не сейчас. Я должна понять, что случилось.

Собрав всю свою волю в кулак, я делаю нечеловеческое усилие. Заставляю свои свинцовые веки дрогнуть, приподняться.

Свет режет глаза, слезящиеся и затуманенные. Вижу размытые силуэты, море лиц, обращённых ко мне.

Толпа стоит в полном, оглушительном безмолвии, но на их лицах – не ожидание, а шок. Полное, абсолютное недоумение, смешанное с ужасом.

Мой взгляд опускается.

И я вижу… лапы. Огромные, покрытые густой шерстью, впившиеся когтями в землю. Мои лапы.

О нет…

Нет-нет-нет-нет!

Не сейчас!

Я превратилась! Прямо посреди обряда!

Паника, уже знакомая и всепоглощающая, накатывает новой волной. Я ищу Артура. Где мой муж? Что с ним?

Нахожу. Он в нескольких шагах от меня. Его лицо искажено гримасой ярости и боли. И на его запястьях – уже знакомые магические оковы.

Он не может превратиться и спасти меня! Подойти, помочь…

Его держат двое стражей, а ещё двое с трудом преграждают путь разъярённому Артуру, они пытаются оттащить его от меня.

Он рвётся вперёд, рычит, и в его глазах – ярость, обещание смерти тому, кто посмеет ко мне прикоснуться.

И тут я понимаю, чей это был крик, что я услышала перед превращением.

Это Марьяна.

Она стоит между мной и остальными членами Совета, её руки, всё ещё в наручниках, подняты в защитном жесте.

Её волосы развеваются, а глаза горят таким яростным светом, что даже Микаэль не решается сделать шаг вперёд.

– Назад! – её голос, пронзительный и полный власти, режет воздух. – Не смейте к ней подходить! Вы не понимаете, что творите!

Шум возвращается ко мне обрушившейся лавиной. Гул толпы, крики, рык Артура, голос Марьяны – всё это сливается в оглушительную какофонию.

Я не могу оставаться в этом облике. Я должна всё объяснить! Я должна им сказать, что это не я, что-то случилось!

Я не собиралась превращаться, оно само…

Закрываю глаза, отсекая внешний мир. Сосредотачиваюсь на себе. На том, чтобы сжать эту громаду, втянуть когти, убрать шерсть.

Я вспоминаю ощущение человеческой кожи, лёгкости своего тела. Это даётся с невероятным трудом, будто я сдираю с себя собственную шкуру.

Но я заставляю себя сделать это.

Тело сжимается, кости с хрустом возвращаются в привычное положение. Я падаю на колени, тяжело дыша, и упираюсь руками в землю.

И тут я чувствую… ткань.

На мне одежда. Та самая, льняная ритуальная одежда. Она цела. Как?

Как она уцелела при превращении? В прошлый раз я осталась голой…

У меня нет времени это обдумать. Голос Урсулы, злобный и торжествующий, прорезает общий гам.

– Видите! Видите! – она кричит, указывая на меня пальцем. – Она не может контролировать свою природу! Какая уж тут истинность! Она – опасность для всего клана! Она всё подстроила! Наслала морок! Околдовала наследника!

Она пытается устроить скандал, её голос визглив и полон ненависти. Но её слова тонут в общем шуме.

Я поднимаю голову и вижу, как Артура, с огромным трудом волокут прочь от ритуального круга. Его взгляд полон такой муки и бессильной ярости, что у меня заходится сердце.

И тут наступает тишина. Её наводит Микаэль. Он просто поднимает руку, и все звуки затихают. Его лицо – маска холодного удовлетворения.

Он вдыхает полной грудью и громогласно говорит:

– Обряд прерван, – его голос ледяной и неумолимый. – Сила Медведя отвергла её. Истинность… не подтвердилась.

В его словах – окончательный приговор.

Он делает паузу, и его взгляд, тяжёлый и беспощадный, останавливается на мне.

– Алатея Белогорцева, – произносит он, и каждое слово падает как камень. – Именем Совета клана Медведя, вы арестованы за обман клана и покушение на древние законы. Взять её.

Глава 13

Моментально ко мне тянутся руки стражей. Их пальцы, похожие на капканы, готовы сомкнуться на моих руках.

Я отскакиваю, спотыкаясь о собственные ноги, сердце колотится где-то в висках. Это инстинкт, животный и неоспоримый.

Не дать себя схватить. Не дать.

Что произошло? Почему я обернулась? Почему обряд не сработал?

Мой взгляд, бегущий по кругу озлобленных, испуганных или просто любопытных лиц, натыкается на неё. Мирэль. Она стоит в сторонке, не скрывая ухмылки. Её глаза – два сверкающих от злорадства уголька. Она довольна. Нет, счастлива.

От этого зрелища у меня сводит желудок, и по горлу подкатывает комок тошноты. Вот оно, самое настоящее, неприкрытое зло. Не ярость Урсулы, а это тихое, сладкое наслаждение чужим падением.

– Назад! – Голос Марьяны звучит резко, как удар хлыста.

Она бросается ко мне, перехватывая одного из стражей. Её руки в магических оковах подняты, и кажется, что сами наручники вот-вот треснут от напряжения, исходящего от неё.

– Вы слепцы! Вы не видите, что творите!

Хаос нарастает как снежный ком. Но следующий голос рубит его на корню.

– Хватит!

Это Армэль. Всего одно слово, произнесённое его низким, гулким басом, заставляет всех замолчать и замереть. Он не кричит. Он констатирует.

Его мощная фигура кажется ещё больше, он – скала, о которую разбивается любая буря. Он делает шаг вперёд, и его взгляд, тяжёлый и неумолимый, заставляет стражей отступить.

– Отстаньте от девушки, – приказывает он, и в его тоне не остаётся места для пререканий.

Я, не раздумывая, отскакиваю за его широкую спину. Здесь, за ним, я в безопасности.

Я дышу тяжело, дрожь медленно отступает, сменяясь ледяной, трезвой яростью.

Микаэль, до этого наблюдавший, делает ответный ход.

– Артур Белогорцев находится под воздействием неизвестных чар, – его голос холоден и методичен. – Отпустить его до полного освидетельствования шаманами мы не можем. Это не прихоть, Армэль. Это закон. Мы должны быть уверены, что его воля – его собственная.

Я вижу, как спина Армэля передо мной напрягается. Он выдыхает, и в этом звуке – вся горечь вынужденного поражения.

– Законность… да, – он произносит сквозь зубы. – С этим я вынужден согласиться.

– Это фарс! – выкрикивает Марьяна, её глаза мечут молнии. – Вы что, совсем разучились чувствовать? Законы магии – вот что важно! А они кричат об их истинности! Бред – отрицать это! Их связь – это как восход солнца, она просто есть!

– Ведьме верить нельзя! – парирует Урсула, её визгливый голос режет слух. – Она сама – воплощение обмана и коварства! Она на их стороне!

Толпа снова взрывается ропотом. Одни поддерживают Марьяну, другие – Урсулу. Слово «ведьма» летает в воздухе, как ядовитый дротик.

– Тишина! – Армэль снова берёт управление на себя. Он поворачивается ко мне и беззвучно извиняется. – До выяснения всех обстоятельств Алатея будет находиться под моей защитой. В моём доме. – Его взгляд переключается на Артура, которого всё ещё держат стражи. – Внук… не сопротивляйся. Позволь шаманам сделать свою работу. Как только они убедятся, что твой разум чист, тебя отпустят. Я прошу тебя… потерпи.

Артур смотрит на него, и в его зелёных глазах бушует буря. Но он, сжав кулаки так, что кости белеют, медленно кивает. Он делает это ради меня. Ради того, чтобы не усугублять моё положение.

И тут Микаэль наносит решающий удар.

– На основании произошедшего, – его голос гремит на всю округу, – и во избежание конфликта интересов, Совет постановил временно отстранить род Белогорцевых от правления кланом. Вся власть переходит к Совету старейшин. До окончательного решения.

В толпе раздаётся сдавленный вздох. Это настоящий переворот. Мягкий, под видом закона, но переворот.

– Также, – Микаэль не даёт опомниться собравшимся, – напоминаю, что брачные игры начинаются завтра на рассвете. Призываю всех женщин клана сделать свой выбор в соответствии с традициями.

И снова мой взволнованный мозг выхватывает из толпы Мирэль. Она смотрит прямо на меня, и её губы изгибаются в сладкую, ядовитую усмешку. Её план сработал. План Урсулы. Или… чей?

Мысль пронзает меня, как ледяная игла. А что, если тот, кто это подстроил, не на стороне Урсулы? Что, если ему просто нужно было убрать род Белогорцевых, а Урсула – всего лишь удобный инструмент?

Нарушение истинности, подрыв самих основ клана… это грозит не просто сменой власти. Это грозит расколом, деградацией оборотней, вырождением рода. Рода Белогорцевых…

Кому может быть выгодно уничтожить их изнутри?

Марьяна резко подходит ко мне, берёт за локоть. Её прикосновение даже в оковах твёрдое и властное – и начинает уводить от поляны, к дому Армэля.

– Идём, дитя, – говорит она сквозь зубы, отгораживая меня своим телом от бросаемых вслед косых взглядов и шипящих шёпотов. – Нечего тут делать. Совсем распустились, – бормочет она себе под нос, но я слышу каждое слово. – Такое обращение с истинными… Ох, если бы с меня сняли эти оковы, я бы им тут устроила светопреставление! Ух, устроила бы!

Её слова словно подбрасывают дров в огонь моей собственной ярости. Я поворачиваюсь к ней, всё ещё дрожа от пережитого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.